

ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ СЕВЕРО-ЗАПАДА СССР

В Ленинградской части Института этнографии АН СССР уже стали традицией конференции, посвященные этнографическим исследованиям Северо-Запада, в которых принимают участие не только сотрудники института, но и широкий круг исследователей из Петрозаводска, Новгорода, Сыктывкара, Архангельска, Таллина и других городов региона. Первая конференция, состоявшаяся в 1974 г., была посвящена широкому кругу проблем¹. На ее материалах издан сборник, состоящий из двух разделов: «Традиции и культура сельского населения» и «Этнография Петербурга»². Вторая конференция (1976 г.) сосредоточила свое внимание на этнических процессах и этнографии города³.

13—14 апреля 1978 г. в Ленинградской части Института этнографии АН СССР прошла очередная, третья конференция, посвященная этнографическому изучению Северо-Запада. Л. М. Сабурова во вступительном слове подытожила уже проведенную работу по этнографическому изучению Северо-Запада и наметила основные задачи на будущее, среди которых главная — изучение современности. На конференции работали две секции: «Этнография Петербурга» и «Современное культурное развитие Северо-Запада. Собрание, изучение и охрана памятников народного искусства, культуры и быта».

Доклады «петербургской» секции можно разделить на две группы: пять докладов было посвящено этнической, четыре — культурно-бытовой проблематике. Об этнических аспектах этнографического изучения Петербурга в период капитализма говорила в своем докладе Н. В. Юхнева. Она подчеркнула, что при этнографическом изучении Петербурга этническая проблематика должна занимать важное место. Среди этнических аспектов этнографического изучения Петербурга Н. В. Юхнева выделила две группы проблем. С одной стороны, это проблемы, связанные с процессами, происходившими внутри населения города: этническими ситуациями для разных национальных групп, взаимовлиянием культур, ассимиляционными процессами. С другой — проблемы, касающиеся роли Петербурга в культурном и этническом развитии народов России. Есть, впрочем, область, где обе эти группы проблем пересекаются — речь идет о той части каждой национальной колонии, которая не порывала связи с родиной и своей деятельностью в Петербурге воздействовала на консолидацию и культурное развитие своего этноса.

Два доклада были посвящены культурной жизни эстонцев Петербурга. Основной темой доклада А. Д. Дридзо была организация эстонской школы в Петербурге. Попутно он осветил общие проблемы народного образования в Эстонии в конце XIX в. В. А. Самойлов в докладе «Эстонский театр в Петербурге» рассказал, что в 70-е годы XIX в. именно здесь впервые (раньше, чем в Эстонии) возникли первые театральные представления на эстонском языке. К концу века Петербург стал одним из главных эстонских театральных центров. Г. В. Старовойтова выступила с докладом «Татары в Петербурге и Ленинграде», в котором была сделана попытка использовать этносоциологический опрос для ретроспективного анализа. При помощи этой методики удалось получить некоторые данные, касающиеся миграций, а также пролить свет на роль разных этнографических групп в формировании татарского населения Петербурга и Ленинграда. Н. В. Юхнева рассказала о небольшой, но этнически сплоченной группе словаков-жестянщиков, которые во второй половине XIX в. почти монополизировали в Петербурге изготовление жестяной посуды.

¹ Г. В. Старовойтова. Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — «Сов. этнография», 1975, № 1, с. 146—149.

² «Этнографические исследования Северо-Запада СССР». Л., 1977.

³ Л. С. Гвоздиковна. Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 137—140.

Второе заседание «петербургской» секции открыл доклад К. В. Чистова «Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в.». К. В. Чистов подчеркнул, что возникшее в период формирования фольклористики представление о том, что все формы и жанры фольклора в историческом прошлом были равномерно распределены по всей территории расселения русских, не подтверждается фактическим материалом. Что же касается русского эпоса (былин), то можно решительно утверждать, что в процессе сложения русской нации и национального самосознания он превратился из достояния сравнительно ограниченных локальных групп (Европейский Север и некоторые районы Сибири) во всеобщее национальное достояние. Этому способствовали школа, печать, художественная литература, искусство, профессиональные музыканты и т. п. В ряду подобных фактов должны занять свое место недостаточно оцененные до сих пор многочисленные приезды севернорусских сказителей в Петербург, Москву и некоторые другие города в 1870–1900-е годы, когда состоялись публичные выступления таких крупных мастеров русского фольклора, как Т. Г. и И. Т. Рябины, В. П. Щеголенок, И. А. Федосова, И. А. Касьянов, М. О. Кривополенова.

Л. Н. Семенова рассказала о результатах исследования внутрисемейных отношений в период преобразований, проводившихся в XVIII в. (первая четверть XVIII в. и в последующие десятилетия). Заботясь об увеличении народонаселения, петровское правительство поощряло подданных к вступлению в брак, взяло под защиту закона жизнь младенцев, в том числе незаконнорожденных. Отношения родителей и детей в XVII в. строились на принципах полного послушания детей. В начале XVIII в. в реченке начинают видеть самостоятельную личность. Ему дозволяется высказывать свое мнение, отличное от мнения родителей. Дискуссия о праве детей самостоятельно решать вопросы жизни (выбор жены, пострижение в монастырь) закончилась изданием закона 1724 г., запретившего родителям принуждать детей вступать в брак.

Доклад Л. В. Выскочкова (Ярославль) был посвящен важной проблеме влияния Петербурга на хозяйство и быт окрестных крестьян. Тема была раскрыта на материалах первой половины XIX в. о государственных крестьянах Петербургской губернии. К. М. Плоткин говорил о перспективах археологического изучения Петербурга XVIII в. Кроме историко-архитектурного, раскопки могут иметь и большое историко-культурное значение: если быт высших слоев общества XVIII в. отражен в музейных коллекциях, то предметы быта простого народа не сохранились; продолжение археологических раскопок должно восполнить этот пробел.

Доклады второй секции были посвящены вопросам сохранения традиций народной культуры и народного творчества — как в живой, функционирующей форме, так и в музейных коллекциях.

Л. В. Хомич на примере народов Северо-Запада РСФСР (ненцев, коми, саамов, русских) рассмотрела факторы, влияющие на сохранение традиционной культуры. Среди них были особо выделены такие, как специфика хозяйственной деятельности, климатические условия, сила традиций, недостаточность межэтнических контактов. В докладе С. И. Балабанова и Ч. М. Таксами было показано значение этнографических знаний для правильного планирования культурного и социального развития малых народов Севера, в ходе которого необходимо сохранять лучшие достижения традиционной культуры.

С. И. Бутылина познакомила слушателей с прославленным художественным промыслом Новгородской области — так называемой «крестецкой строчкой». В ее сообщении прозвучала тревога по поводу сегодняшнего состояния промысла.

Несколько докладов было посвящено музейному делу. Т. В. Станюкевич показала, как формировались принципы экспонирования в историко-бытовых и этнографических музеях Ленинграда. Докладчица проанализировала связи развития принципов экспонирования с постепенным уточнением предметной области этнографической науки. Характеристике работы Архангельского музея деревянного зодчества были посвящены выступления А. Н. Давыдова. Он познакомил присутствующих с историей создания и перспективами развития этого нового архитектурно-этнографического музея под открытым небом (открыт для посетителей в 1973 г.). В настоящее время в нем собрано около 50 построек народного зодчества, которые группируются в секторах, представляющих собой модели севернорусских поселений разных районов. А. Н. Давыдов подробно рассказал об одной из экспозиций, где во время фольклорных праздников звучат северные колокольные звоны. И. Н. Уханова выступила с обзором богатых эрмитажных коллекций по народным ремеслам Северо-Запада СССР. О. А. Чеканова рассказала о работе одного из отделов Музея истории Ленинграда, занимающегося историей Петербурга до 1917 г. Отдел ведет работу по многим направлениям — тут археологические изыскания (о них уже говорилось в докладе К. М. Плоткина), изучение экономики, населения, историко-революционная проблематика. Но особенно важно в настоящее время архитектурное изучение Петербурга, что связано с широким размахом работ по капитальному ремонту и реставрации центральных районов города.

Сообщение Р. В. Галайской было посвящено деятельности фольклорно-этнографической комиссии Ленинградского городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры. Г. В. Пионтук познакомил слушателей с историей создания и основными идеями проекта этнопарка «Человек и среда».

Доклады, прочитанные на конференции, вызвали большой интерес слушателей, а некоторые из них — оживленный обмен мнениями. Завершило конференцию выступление К. В. Чистова, в котором он сказал о необходимости более тесных связей между всеми, кто занимается этнографическим изучением Северо-Запада, о взаимной координации работы и наметил план подготовки следующей конференции — по проблемам современного развития Северо-Запада СССР.

Н. В. Юхнева

ДАР ХЕЛЬСИНКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(по материалам выставки «Калевала» в Москве)

С 10 по 26 мая 1978 г. в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина была открыта выставка книг по «Калевале», подаренных Библиотекой Хельсинкского университета. Небольшая по объему, скромно оформленная, выставка представила не только «Калевалу», а финское народное творчество в целом, стала событием в культурной жизни Москвы. Продуманное размещение материала, этикетаж в виде исследовательских аннотаций и комментариев, музыкальные и художественные иллюстрации, народные изделия — все это привлекло внимание как фольклористов и этнографов, так и тех, кто знакомился с творчеством финского народа впервые.

Еще у входа в зал раздавался голос певца, напевавшего руну из «Калевалы», записанный на магнитофонную пленку, и прямо перед собой посетитель видел увеличенные фотографии замечательного финского фотографа, художника, писателя, путешественника И. К. Инхи (1865—1930). Озеро, обрамленное лесом, пашни, долины с разбросанными на них домиками, женщина, переправляющаяся через мост верхом на лошади, босоногие крестьянские мальчики в домотканной одежде, девочка в рваном фартуке... Эти фотографии будто переносили в живой мир карельской природы и быта. Но не одни пейзажи и картины народной жизни интересовали Инху. Будучи фотографом-этнографом, он шел по следам собирателя «Калевалы» Элиаса Лённрота и в своей книге «С песенных земель „Калевалы“» опубликовал свыше 170 фотографий, сделанных им во время путешествия по беломорской Карелии в 1894 г.

Пленка с напевами из «Калевалы» — это не «музыкальный фон» выставки, а один из интереснейших ее экспонатов. На пленке — полевые записи. Певец пел первую руну и, прерывая себя, говорил, что сначала никак не мог ее вспомнить, потом, он же пел о том, как Вяйнямейнен сделал кантеле и как он играл на нем. Звучала свадебная песня, после нее — заговор для «остановки» крови. От самого певца посетители узнавали, что исполнять заговоры можно лишь в состоянии экстаза; это живо ощущалось во все убыстряющейся, произносимой нараспев скороговорке. Следовали примеры различных заклинаний (как нужно попросить, чтобы водяной дал рыб; что сказать, прежде чем закинуть удочку или сеть), потом исполнялись похоронные плачи, один из которых записан дома, другой — во время совершения обряда у могилы.

На выставке демонстрировались слайды, в основном цветные, с работами финских художников, скульпторов, графиков, чье творчество было связано с «Калевалой»: А. Галлен-Каллела, И. Аланен, В. Аалтонен, М. Висанти и другие. Их иллюстрации были представлены почти во всех разделах выставки.

Каждый посетитель получал в дар изданную на русском языке Библиотекой Хельсинкского университета небольшую книгу под названием «Калевала в Финляндии. Исторический фон выставки, устроенной Библиотекой Хельсинкского университета в Москве в мае 1978 г.». Эта работа заслуживает отдельного освещения. Уже ее содержание говорит о ее немалом научном значении: статья Вяйне Кауконена «Калевала»; исследование Эско Хякли «„Калевала“ как основа финской национальности и культуры»; работа Эвы Мякеля-Хенриксон «„Калевала“ на иностранных языках» с перечнем главных переводов «Калевалы», в том числе на русский, украинский, грузинский, армянский, молдавский, латышский, литовский, эстонский и другие языки; факсимиле портрета Э. Лённрота в 1845 г.; страницы одной из его записей «Калевалы», сделанной в 1834 г. в беломорской Карелии (в Кивиярви); автограф первой страницы «Луоннатар» Яна Сибеллуса и другие материалы. Перед нами не проспект выставки, не путеводитель по ней, а опирающееся на самые последние научные данные исследование о «Калевале», специально приуроченное к выставке в Москве.

Многие издания на выставке, представлявшей только часть того, что передано Библиотеке имени В. И. Ленина, были подготовлены основанным в 1831 г. Финским литературным обществом. При Обществе с 1934 г. существует Архив устного народ-